

Мэй-цзэ поспешно замахала руками, отказываясь от крепкого спиртного:

— Нельзя, господин, если я напьюсь, хозяйка оштрафует меня за убытки!

Дуань Цичи похлопал Цзи Сюэмяня по плечу, вскинув темные брови, и прямо заявил:

— Этот господин богат, сколько бы ни начислили штрафа — он всё оплатит.

Мэй-цзэ продолжала упорствовать, испуганно качая головой:

— Нет...

Цзи Сюэмянь бросил на Дуань Цичи холодный взгляд и одернул его:

— Друг мой, портить другим веселье — не поступок благородного мужа.

Дуань Цичи усмехнулся. Он пододвинул чарку, стоявшую перед Мэй-цзэ, поближе к руке Цзи Сюэмяня, словно заранее знал, что женщина не станет пить:

— Я никогда не принуждаю женщин к выпивке, так что буду признателен, если вы, господин, сделаете это за меня.

Цзи Сюэмянь закатил глаза и поднялся, собираясь уйти. Дуань Цичи даже не подумал его останавливать, лишь негромко произнес:

— Если уйдешь, ей не поздоровится.

Цзи Сюэмянь замер на месте и нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

Дуань Цичи приподнял подбородок, указывая на дверь:

— Ты разве не видел лампу, которую зажгли у входа?

Мэй-цзэ застенчиво пояснила:

— Раз уж два господина зажгли мою лампу, покидать это заведение нельзя. Если вы останетесь довольны, мой статус повысят, а если просто уйдете, то меня...

Дуань Цичи снова замахал веером и, улыбаясь, закончил за нее:

— ...забьют до смерти сутенеры.

Цзи Сюэмянь закрыл глаза и тяжело вздохнул, смиренно опускаясь обратно на место:

— Я буду пить.

Эта старуха-сводня всегда ищет, кого бы облапошить из тех, кто не знает порядков.

Дуань Цичи удивился:

— Хотя зажжение лампы — обычай не самый частый, это вполне известное условие для пари. Неужели вы, господин, столько раз посещавший бордели, об этом не знали?

Цзи Сюэмянь, чувствуя неловкость, сухо отрезал:

— Разве друг мой не собирался пить?

Дуань Цичи слегка стукнул донышком своей чарки о его:

— Прошу.

Чаша за чашей, блюда на круглом столе давно остыли. Мэй-цзэ, перебрав лишнего, начала разбрасывать вещи, и, когда вокруг воцарился полный хаос, она просто уснула.

После третьего круга Цзи Сюэмянь, к удивлению, не выказал ни капли хмеля — его взгляд оставался на удивление ясным.

Дуань Цичи приподнял донышко чаши Цзи Сюэмяня краем своей и с улыбкой произнес:

— Глава Цзи, теперь остались только мы вдвоем. В прошлой игре на пальцах снова проиграли вы, так что пейте.

Цзи Сюэмянь, признавая поражение, запрокинул голову и залпом выпил еще одну чарку. Однако его холодное, прекрасное лицо, напоминающее цветок лотоса, окрасилось румянцем, а глаза с поволокой подернулись дурманом. Длинные, густые ресницы то и дело подрагивали, прикрывая взор, и это выглядело до неприличия соблазнительно.

Дуань Цичи бесцеремонно разглядывал его и подначивал:

— Сылин, если признаешь свое поражение, на этом мы закончим.

Цзи Сюэмянь больше всего на свете ненавидел слово признать поражение — так было с самого детства, к тому же он терпеть не мог, когда Дуань Цичи называл его детским именем.

Он тут же протянул руку и, не колеблясь, отрезал:

— Еще по одной.

Спустя еще несколько раундов Цзи Сюэмянь окончательно перестал соображать. Опынев, он уронил голову, погружаясь в дремоту, и несколько черных прядей упали на его покрасневшие уши.

Дуань Цичи, с детства привыкший поддразнивать Цзи Сюэмяня, сейчас не чувствовал ни капли вины. Он ухватил его за тонкий, изящный подбородок и поднял лицо, пылающее алым.

Цзи Сюэмянь приоткрыл затуманенные глаза, смутно осознавая, что делает Дуань Цичи.

Разговаривать с пьяным было бессмысленно, и Дуань Цичи заговорил сам с собой:

— Цзи Сюэмянь, Глава Цзи, сколько же секретов ты в себе хранишь?

Для Дуань Цичи в Цзи Сюэмяне было слишком много загадок — еще с того самого дня, как он впервые пришел во дворец в качестве компаньона для учебы.

Хотя он был выходцем из знатного рода и всегда держал маску невозмутимости, на самом деле внутри он оставался маленькой пугливой пташкой.

Одурманенный алкоголем, Цзи Сюэмянь плохо слышал слова Дуань Цичи. Он лишь слабо сжал его руку, пытаясь оттолкнуть.

Дуань Цичи не сводил глаз с этих красивых рук с отчетливо проступающими сухожилиями. Белая кожа, просвечивающие синие вены — казалось, они могут лопнуть от одного укуса.

Подавленное пламя страсти вновь вспыхнуло в его груди. Перед ним был Цзи Сюэмянь, а он еще не окончательно лишился рассудка.

На груди пьяного Цзи Сюэмяня, чье одеяние было украшено вышивкой из черного бамбука, разошлись полы. Стоило лишь слегка потянуть — и загадка, мучившая Дуань Цичи целую неделю, была бы раскрыта.

Дуань Цичи считал себя дерзким, амбициозным князем, для которого взглянуть на мужскую грудь — пустяковое дело. Но сейчас был не самый подходящий момент; он не хотел раздевать Цзи Сюэмяня, словно бамбуковый побег, пока тот был пьян.

Позволив Цзи Сюэмяню поспать еще немного, Дуань Цичи сильно ущипнул его за щеку.

Цзи Сюэмянь, не ожидавший такого, резко распахнул глаза и хлопком отбил руку Дуань Цичи. Он мгновенно протрезвел и с раздражением спросил:

— Что делает регент?

Дуань Цичи приподнял бровь:

— Появились военные дела, возвращайся со мной в лагерь.

Цзи Сюэмянь разозлился: в такую темень, глубокой ночью — откуда взяться военным делам?

С таким трудом вырвавшись из военного лагеря, он позволил Дуань Цичи всё испортить. Зато Мэй-цзэ, проспав всю ночь, теперь могла рассчитывать на повышение в статусе.

Они поскакали обратно, и перед их взором предстал охваченный густым дымом лагерь: половина палаток была сожжена.

Семь-восемь дюжин крепких мужчин с кривыми саблями были связаны на пустыре. С обнаженными торсами, стянутые грубыми веревками, они явно и были теми, кто устроил поджог.

Линь Юань поспешил им навстречу:

— Регент, ваш план оказался безупречен! Как только вы с господином Цзи уехали, эти негодяи явились поджечь лагерь. Нам удалось взять их живыми!

Двое высокопоставленных чиновников, только что вернувшихся из публичного дома, ничуть не смутились и встали перед наемниками.

На лицах убийц виднелись следы от клейма в виде паука. Цзи Сюэмянь вздрогнул: это были те самые свирепые бандиты, наводившие ужас на всю Столицу. Все они были покрыты шрамами и выглядели как отъявленные головорезы. Этот Паук всегда работал по заказу, видимо, решив воспользоваться отсутствием Цзи Сюэмяня и Дуань Цичи, чтобы уничтожить армию князя.

Дуань Цичи глубокомысленно заметил:

— И это всё?

Линь Юань ответил:

— Остальные погибли.

Цзи Сюэмянь, с мрачным видом выхватив свой кнут, проговорил леденящим тоном:

— Говорите правду: кто приказал вам проделать такой путь до Наньцзяна?

Стоявший неподалеку Лань Шэнь сплюнул:

— Ублюдки, в Столице привыкли бесчинствовать, а теперь и в Наньцзяне решили показать зубы?

Главарь бандитов не ответил, вместо этого он с интересом разглядывал Цзи Сюэмяня, а затем перевел взгляд на его сверкающий серебряный кнут. Мужчина облизнул свои желтые зубы и вдруг мерзко усмехнулся:

— Много слышал о вас, но никогда не встречал. Как поживает наш маленький Сылин все эти годы?

Услышав свое детское имя, Цзи Сюэмянь застыл, впиваясь в мужчину взглядом:

— Кто ты?

Дуань Цичи понял, что дело принимает скверный оборот, и крепко схватил кнут Цзи Сюэмяня:

— Глава Цзи, сохраняйте спокойствие!

Цзи Сюэмянь, не сумев выдернуть кнут, впился яростным взглядом в Дуань Цичи:

— Отпусти!

В этот момент Цзи Сюэмянь позабыл о всякой субординации. Сылин было не только его именем — эти два иероглифа были выгравированы на рукояти кнута и были для него вечным кошмаром. Стоило ему вспомнить тот ужас, как сердце начинало биться в бешеном ритме.

В ту летнюю ночь банда мужчин с татуировками пауков ворвалась в дом семьи Цзи, вырезав всех слуг, а затем и родителей Сюэмяня. В тот год он еще не учился в Гоцзыцзяне и должен был поступить туда на следующий день.

Его схватили во сне. Открыв глаза, он увидел безжизненные тела отца и матери, а сам он лежал на дворе, лишенный одежды. Юный Цзи Сюэмянь не заплакал — несмотря на то, что его била дрожь, он оставался пугающе спокойным.

Мужчины хотели было прикончить мальчишку, но, приняв его за красивую девочку, решили сначала поиздеваться, однако, сорвав с него одежду, застыли в изумлении. Они прижали сопротивляющегося Цзи Сюэмяня к земле и нанесли ему несколько ударов по лицу, от которых у него помутилось в голове.

Один из них навалился сверху, укусил его за щеку и, глядя на окровавленное лицо ребенка, прорычал:

— Убивать — слишком жалко, оставим для забавы братьям.

Остальные разразились хохотом:

— Босс идет первым, будет сладко! Изнасилуйте его до смерти! Ха-ха-ха!

Цзи Сюэмянь никогда не думал, что его секрет станет предметом таких унижений. Он хотел сбежать, но не мог.

Цзи Сюэмянь поднял голову, глядя на кольцо раздевающихся мужчин. В тот момент он не думал о смерти и не ждал спасения — ведь никто бы не пришел.

Он выдавил из себя слабую, едва заметную улыбку, которая заставила мужчину сверху замереть.

Тот пробормотал:

— Какая ты маленькая шлюха, а ведь хорош.

Цзи Сюэмянь кивнул и, дрожа, протянул руку, чтобы обнять его за шею. Мужчина, не ожидая подвоха, склонился. В глазах Цзи Сюэмяня полыхнула ярость. Его тонкие пальцы, изогнувшись, как когти демона, впились в горло бандита, и кровь брызнула ему прямо в лицо.

С ресниц Цзи Сюэмяня капала кровь. Он вскочил, подхватил брошенную саблю и в одно мгновение перебил всех убийц, не успевших разбежаться. Лишь один — щуплый, похожий на черного вьюна — сумел скрыться.

Цзи Сюэмянь бросил саблю и сел на землю. Сперва он оцепенел, а потом не выдержал и, закрыв лицо руками, зарыдал.

Никто не знал, что род Цзи, поколениями славившийся боевыми искусствами, в той ветви, что осела в Столице, занялся науками. Но Цзи Сюэмянь втайне стал учеником мастера боевых искусств и без труда завоевал первенство среди всех отпрысков знатных семей.

Теперь от всей семьи Цзи остался только он. По милости покойного императора он попал в Гоцзыцзянь и все эти годы искал того сбежавшего негодяя, но безуспешно. Этот серебряный кнут когда-то использовали, чтобы связать его, и Цзи Сюэмянь, выгравировав на нем свое имя, носил его при себе как живую мишень. Кто, кроме того щуплого гада, мог знать, что именно выбито на кнута?

Бандиты переглянулись, одарив Цзи Сюэмяня похотливыми взглядами.

— Мы следили за тобой всю дорогу, братва уже знает твою историю. Это зрелище, о котором мы мечтали — ужасно хочется посмотреть!

Цзи Сюэмянь нахмурился, и от него повеяло смертельным холодом:

— Лань Шэнь, подай мой меч.

Бандиты не испугались:

— Хозяин велел нам убить маленького Сылина, а нам так жаль. Какая жалость!

Цзи Сюэмянь весь дрожал, сжимая рукоять кнута:

— Замолчите!

Бандит продолжал:

— Господин часто заглядывает в бордели. Вы занимаете высокий пост, но был ли у вас хоть один любовник, преданный до гроба? Почему за столько лет вы так и не женились?

Он осклабился:

— Ваш секрет надежно спрятан, даже регент ничего не заподозрил. Но, по правде сказать, с таким телом вы не достойны быть Главой, правящим государством!

<http://bllate.org/book/21919/2277346>